
С. М. КЛИМОВА

СЛАВЯНСКАЯ (РУССКАЯ И ПОЛЬСКАЯ) СУДЬБА В ЗЕРКАЛЕ «ЕВРЕЙСКОГО ВОПРОСА» НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

Национальный вопрос в России рубежа позапрошлых веков исследован сквозь призму общности экзистенциальных судеб трех народов: русских, поляков и евреев, объединенных жизнью в Российской империи. Особое значение придается таким автостереотипам, как «мессианизм» и «избранничество к страданиям», с одной стороны, и стереотипу «внеэтнический антимессианизм» по отношению к ним в просвещенной Европе – с другой.

Ключевые слова: *внеэтнический антимессианизм, страдания, resentment, экзистенциализм, диалог, конфронтация.*

Национальный вопрос в России и Европе резонировал на рубеже XIX–XX веков по многим причинам. Одна из важнейших – начавшийся эпохальный *процесс переходности* как разрушение лого(европо)центризма и формирование полифонического мира, выработка диалогичности культуры в дискурсах Другого, поиск диалогической природы понимания и взаимопонимания. Активно формируются два вида этнических стереотипов: автостереотипы, т. е. система образов о своей национальной общности, и стереотипные представления о других общностях, соотнесенные с автостереотипами. Самоидентификация предусматривает наличие образа «другого», «чужого», позволяющего увидеть специфику собственной культуры.

На рубеже позапрошлого и прошлого веков данные обертоны проявились в еврейском вопросе не только в форме исторической мифологемы «Они – Мы», описывающей евреев как вечных оппонентов христианских народов, но и с точки зрения Другого, находящегося в одном экзистенциально-культурном пространстве со славянскими народами.

Диалог демонстрирует не только отличие, но и близость Другого, и прежде всего духовную общность путей славянских (польской, русской) и еврейской культур, связанных с историческим неравенством и вечной вторичностью образов этих народов в европо-

центристском менталитете XVII–XIX веков, а также с обострившейся оппозицией славянских культур «бездуховной» (в их понимании) западноевропейской цивилизации в условиях начавшегося роста этнического самосознания. Возникает устойчивая (для славянских народов) мифологема об утрате духовной связи человека с Богом на Западе, о превращении их отношений в «сухой юридический расчет». Судьба еврейского народа становится «зеркалом» для славянских народов в понимании своей внезапно обретенной «богоизбраннической» – мессианской – судьбы.

С одной стороны, возникает борьба между двумя славянскими культурами за духовное – мессианское – лидерство в христианском мире. С другой стороны, их объединяет борьба с еврейским народом за безусловное духовное лидерство и «личные – избраннические» отношения с Высшим. Поляки – уникальный народ, обладающий двойным культурным кодом: славянским по географии и корням, европейским по образованию и культуре, – воспринимали себя спасителями западного католицизма от бездуховности. Аналогичные претензии на лидерство во Всеславянском мире (Н. Данилевский, Ф. Достоевский, К. Леонтьев) выдвигала русская православная мысль в лице ее духовных лидеров и апологетов.

Эпоха переходности дает нам амбивалентную репрезентацию схожести трех мессианских народов. Общность их религиозных претензий на духовное первенство через идею национальной исключительности и избранничества может быть реконструирована и как конфронтация друг с другом (сознательный и бытовой национализм, ресентимент), и как общее движение к межконфессиональному и межрелигиозному диалогу на пути к всеединству (идеал Вл. Соловьева).

Но есть еще общность экзистенциальных судеб трех народов, которую метафорически можно обозначить как *внеэтнический антимессианизм* мира по отношению к ним. «Антисемитизм, являясь по своей природе отрицателем всего еврейского, приобретает в данном виде уникальную и оригинальную модификацию: антисемитизм есть противодействие *чистопородному человеческому духу*, воплощаемому в перспективу вселенского единства. Это значит, что отвергаемое святое и духовное, Божеское и освященное по закону должно быть причислено к антисемитизму. К примеру, убийство великого еврейского актера Соломона Михоэлса суть неопровержимый антисемитизм, и таким же антисемитизмом является акт умерщвления в тюрьме великого русского ученого академика Н. И. Вавилова, равно, как отравление великого грека Сократа» (Грузман 2010).

Несмотря на столь расширенное толкование природы антисемитизма, который в нашем контексте лучше назвать *внеэтническим антимессиянизмом*, это тонкое размышление справедливо и в отношении рассматриваемых народов. В судьбах польского, русского и еврейского народов отразилось бытие в «пограничных ситуациях», в которых они пребывают веками, а также бесконечные потрясения, связанные с духовным отчуждением правительства от собственных народов, восприятие этнической истории как бесконечных народных страданий, переживание собственного существования в мире, своей особенности в качестве «изгоев» и «вторичных» народов. Свое восхождение к подлинному существованию (экзистенция и есть подлинное существование, по мысли С. Кьеркегора) народ проходит через бесконечный путь страданий и испытаний и спасение видит лишь в своей богоизбранности и уникальной судьбе.

Только находясь на данной позиции, можно оценить природу ресентиментно-репрессивного сознания властей в отношении к своему и чужим народам и найти религиозно-духовную основу для «вселенского всеединства» столь разных народов. Избранные народы объединены одной общей судьбой, которую можно назвать *избранничеством к страданиям*. Их схожая духовная участь, возникшая благодаря «общей теократической почве» (Соловьев 1989: 209), не снимает ни их национальной специфики, ни принципиальной культурной и религиозно-обрядовой разницы, но обрекает данные народы на схожий путь: «вечное возвращение» к истокам своей духовной истории – Голгофе. Их история есть повторение крестного пути Мессии, ожиданием и встречей с которым наполнена вся история и жизненная философия поляков, русских, но главным образом евреев. Избранный – значит святой, живущий и действующий по правилам, предписанным верой, «угодник Божий, наслаждающийся вечным блаженством». В то же время избранный всегда «перпендикулярен» миру, отстранен от него, живет по иным законам особенного хронотопа. Избранность данных народов – их святость – в *вечных страданиях и вечном изгойстве* – и «до блаженства» им очень далеко. Есть в этой онтологии и общность теоретического плана. Все они по-разному воплотили в себе философию религиозного экзистенциализма.

Для раскрытия экзистенциальной основы той или иной нации необходимо понять сущность ее религиозности. Из трех богоизбранных евреи – образец непосредственного и чувственного общения Высшего со своим народом. «Праотец Авраам, живя среди язычников и еще не получив прямого откровения истинного Бога,

не удовлетворялся и тяготился культом мнимых богов, столь привлекательных для всех народов. Служение стихийным и демоническим силам природы было противно еврейской душе. Родоначалник Израиля не мог верить в то, что ниже человека; он искал личного и нравственного Бога, в которого человеку не унижительно верить, и этот Бог явился и призвал его и дал обетования его роду» (Соловьев 1989: 209). Бог постоянно является ветхозаветным пророкам, наглядно предьявляет свою чудесную суть. Евреи привыкли осязать, обонять Его, видеть чудеса, Им совершаемые, жить по Его буквальным указаниям. Особое место в иудаизме имеет ольфакторное переживание Бога: «Дух Божий в ноздрях моих» (Иов 27: 3–4), наиболее тесно связанное с памятью и архетипом восприятия в чужих глазах, как доказывают современные ученые (Engen 1991)¹. Иудеи дают нам образец наглядно-телесного союза Бога с человеком. Извечная неукорененность в историческом и географическом пространствах помогла народу кодировать собственную идентичность «телесно»; может быть, поэтому они наиболее ярко воплотили в своей истории всю «телесную» полноту человеческих страданий. Не всякий народ смог бы пройти этот путь еврейского народа: постоянная угроза физического истребления, которой противостоит жажда жизни, физические и душевные страдания, побеждаемые неистребимой верой и жаждой неба, вечное стремление на Землю обетованную при многовековом отсутствии дома.

Общение христианских народов (и католиков, и православных) с Богом – более абстрактно и метафорично, но от этого, как оказалось, еще более экзистенциально. Не столько телесность определяет глубину и меру их страдания, сколько понимание страдательной природы собственной души, т. е. *душевно-духовные страдания становятся мерой всего сущего*. «Жертва Богу – дух сокрушенный» (Пс. 50:19). Врагами людей объявлены их собственные страсти и желания, нужно не телесное обрезание, но сердечное – ду-

¹ Об этом ярко написано у М. Пруста; даже появилось понятие «феномен Пруста», применяемое в разговорах об ассоциативной роли запахов в жизни человека или народа. Восприятие евреев через определенный ольфакторный код – распространенный вульгарно-описательный прием в характеристиках представителей данного народа. Пожалуй, трудно найти еще какой-либо народ, который бы так стойко ассоциировался с определенными запахами, как еврейский (не путать с пищевыми ассоциациями). «Одним из самых устойчивых стереотипов в народной культуре является запах “чужого”... Представления о запахах инородцев, в частности евреев, нашли отражение в славянских поговорках: *Жид жидом завжди смердит* (укр.)... С чем идентифицируется у славян запах евреев? Чаще всего, говорят просто о “запахе”... но если этот запах с чем-нибудь сравнивается, обычно упоминают животных... “Еврейский запах” может ассоциироваться также с запахом лука и чеснока...» (Белова, Петрухин 2007: 277–278).

ховное и аскетическое соединение с Богом. Еще более обнажается экзистенциальное начало отношений с приходом в мир Богочеловека, воплотившего главную человеческую экзистенцию – *волю к страданию* как крест, как путь, как высшую *духовную и религиозную ценность*. На примере главного догмата «смертию смерть поправ» христианский мир обрел антиномическую истину о способности человека «стать богом», через высшее страдание – смерть – обрести высшее блаженство, вечную жизнь.

К XIX веку этот крест и истина оказались у польского – особого – народа, воплотившего в своей страдательной истории всю полноту богоизбраннического страдания, и у русских, также претендовавших на крест и мессианство. «История» богоизбранных христианских народов повторилась: вновь на периферии цивилизации поднимаются мессианские надежды и вселенские амбиции. При общей ненависти к сытой Европе и евреям – другому богоизбранному народу – груз собственных несчастий порождает религиозную ресентиментную ревность в отношении друг к другу и жажду власти в мире. Началась идейная борьба за право быть большим страдальцем за веру и крест – как борьба за духовное лидерство во всеславянском (и европейском) мире².

Славянским мессианским народам мешала чувствовать себя избранными «сильная еврейская идея» (Ф. Достоевский), которая не позволяла воцарить славянским идеям. «Положим, очень трудно узнать сорокавековую историю такого народа, как евреи; но на первый случай я уже то одно знаю, что наверно нет в целом мире другого народа, который бы столько жаловался на судьбу свою, поминутно, за каждым шагом и словом своим, на свое принижение, на свое страдание, на свое мученичество... не могу вполне поверить крикам евреев, что уж так они забиты, замучены и принижены. На мой взгляд, русский мужик, да и вообще русский простолюдин, несет тягостей, чуть ли не больше еврея» (Достоевский 1983: 77). Достоевский даже представить себе не мог, как он окажется трагически и отталкивающе прав, обосновывая тезис о том, что русские

---

² Мы оставляем в стороне политические аспекты полонофобии/полонофилии, связанные с имперской политикой России еще в конце XVIII века и повлиявшие одновременно и на польский, и на еврейский вопросы в России. «Две силы, польская и русская, не могли не столкнуться рано или поздно: первая стремилась расширить свои владения на востоке, а вторая искала приобретения на западе и юге. Русская сила была собрана в руках одного человека, который имел в своем распоряжении и средства, и войско; но зато другая сила, польская, стояла на высоте тогдашней европейской образованности, была в родстве или старых связях с самыми могущественными европейскими государями. Только после того, как русский великан усвоил себе ту образованность, какой была сильна Польша, он ее и одолел» (Погодин 2002: 39–40).

народы живут так же плохо, нище, бездомно и угнетенно, как и еврейские, но они терпят и молчат (как, видимо, и положено христовым страдальцам), а евреи не терпят и кричат, что лишний раз подчеркивает «телесную» сторону их страданий – «менее значимых» в глазах русских интеллигентов, чем духовное безмолвие русских страдальцев. Аналогичную неприязнь он испытывал и к полякам. Поляки оказываются для русского национализма своего рода «евреями» в Европе. Не сочувствует великий русский писатель крикам боли, если они исходят от «ошельмованных народов», «мироедов», «спаивающих» русского или какого-нибудь прибалтийского пьяницу, и это притом что великий писатель-психолог готов оправдать любого русского негодяя наличием «образа Божьего в душе».

Интересно, стал бы Достоевский в XX веке определять степень страданий и духовности русской «комиссарши Вавиловой» и телесную несдержанность, духовную страстность гроссмановского Хаима-Абрама Лейбовича Магазаника? И смог ли бы ответить на вопрос о том, у кого трагичнее звучит и тоскливее плачет скрипка: у маленького забитого еврея Ротшильда или бедного русского страдальца Якова Бронзы из чеховского рассказа «Скрипка Ротшильда»? Решился бы он сегодня выстроить «иерархию жизненных страданий» и терпеливость славянских и еврейских народов, переживших «Хрустальную ночь», Катынский расстрел, ГУЛАГ, нацистские гетто, Бабий Яр – все ужасы холокоста XX века?

Верю, сегодня он не написал бы следующих строк: «Наши оппоненты указывают, что евреи, напротив, бедны, повсеместно даже бедны, а в России особенно, что только самая верхушка евреев богата, банкиры и цари бирж, а из остальных евреев чуть ли не девять десятых их – буквально нищие, мечутся из-за куска хлеба, предлагают куртаж, ищут, где бы урвать копейку на хлеб. *Да, это, кажется, правда* (курсив мой. – С. К.), но что же это обозначает? Не значит ли это именно, что в самом труде евреев (то есть огромного большинства их, по крайней мере), в самой эксплуатации их заключается нечто неправильное, ненормальное, нечто неестественное, несущее само в себе свою кару. Еврей предлагает посредничество, торгует чужим трудом. Капитал есть накопленный труд: еврей любит торговать чужим трудом! Но все же это пока ничего не изменяет; зато верхушка евреев воцаряется над человечеством все сильнее и тверже и стремится дать миру свой облик и свою суть, евреи все кричат, что есть же и между ними хорошие люди. О, боже! Да разве в этом дело? Да и вовсе мы не о *хороших* или *дурных* людях теперь говорим. И разве между теми нет тоже хороших людей? Разве покойный парижский Джемс Ротшильд был дурной че-

ловек? Мы говорим о целом и об идее его, мы говорим о *жидовстве* и об *идее жидовской*, охватывающей весь мир, вместо “неудавшегося” христианства...” (Достоевский 1983: 78).

Совместный с Германией «крестовый поход» против мирового капитала (евреев-торгашей, спаивающих русский народ) и ненавистного католицизма (читай – польского или французского социализма) становится чуть ли не квинтэссенцией «русской идеи». После явления нацизма и тоталитаризма слова Достоевского звучат как жуткое откровение о будущем, к которому он призывал своих соотечественников: «Во всяком случае, одно кажется ясным, именно: мы *нужны* Германии даже больше, чем думаем. И нужны мы ей не для минутного политического союза, а *навечно*. Идея воссоединенной Германии широка, величава и смотрит вглубь веков... Она себе предназначила Западный мир Европы... а России она оставляет Восток. Два великих народа, таким образом, предназначены изменить облик мира сего» (Достоевский 1984: 91). Эти слова являются лучшим подтверждением очевидной истины: *от национализма до нацизма и шовинизма меньше одного шага*.

Гораздо точнее в своих оценках причин экономического угнетения любого народа не как национального по своей сути, а как исторического процесса был Вл. Соловьев, по сути, вполне помарксистски объясняя причины и экономического расслоения наций, и склонности тех или иных народов к определенному роду деятельности. «Беда не в евреях и не в деньгах, а в господстве, всевластии денег, а это всевластие денег создано не евреями. Не евреи поставили целью всей экономической деятельности – наживу и обогащение, не евреи отделили экономическую область от религиозно-нравственной. Просвещенная Европа установила в социальной экономии безбожные и бесчеловечные принципы, а потом пеняет на евреев за то, что они следуют этим принципам» (Соловьев 1989: 254). Его выводы совпадают с историческим анализом «еврейской темы» у К. Каутского, доказавшего, что «к свойствам, унаследованным израильтянами от кочевого периода и сохранившимся дальше, следует в особенности причислить любовь и навык к торговле... Торговля... в необычайной степени развивает национальное чувство» (Каутский 1990: 187, 201).

В этом аспекте показательна книга А. И. Солженицына (2001), в которой он приводит многочисленные попытки российского правительства «интегрировать» евреев в русскую нацию, например путем приобщения к сельскому хозяйству (превращение в христиан-крестьян) или отлучения от торговли и займов директивными

способами. Но почему-то (здесь внятных объяснений у писателя нет) евреи никак не хотели становиться «русскими»: мужчины не хотели пахать землю, волов съели, а инвентарь сломали, а жены требовали украшений, все норовили дома отсидеться да детей нянчить. Словно наш православный современник не понимает некоторую парадоксальность сочетания слов «еврей» и «крестьянин» или ничего не слышал об архетипах, ментальности, этнической культуре или, например, о православных целовальниках³, задолго до еврейских шинкарей занимавшихся торговлей спиртным на Руси: «Итак, борьба с винными промыслами путем выселения евреев из деревень – по сути за все четвертьвековое царствование Александра I не сдвинулась... Замысел был уже потому безнадежен, что земледелие – это большое искусство, воспитываемое лишь в поколениях, а против желания, или при безучастности, людей на землю не посадить успешно» (Солженицын 2001). Самое удивительное, что никакой связи между нацией и религией он не выделяет, оставаясь на почве «быта» и истории дат и документов, будто можно механически слить народы, опираясь лишь на общность их территориального сосуществования.

Поляки и евреи – две крайние точки русского антисемитизма и ксенофобии: и сознательного (Ф. Достоевский, братья Аксаковы, А. Суворин, К. Леонтьев), и бытового (погромы, ущемление в правах, языковое и геополитическое унижение и т. д.). И то и другое – отражение рабского положения русского народа, который, видя другие рабские народы (политически, экономически, географически), испытывает resentment к тем, кто сумел остаться духовно независимым (неукорененность в чужое пространство и религиозная независимость евреев; европейская образованность и культура поляков). Два совершенно разных народа (поляки и евреи) слились в «один образ врага», обостряя своим существованием resentment русских, которые всегда были духовными рабами своего государства и власти. Они все время им «мешали»: быть особым народом-страдальцем, богоизбранным, мыслить мифологически и бинарно, ну и, наконец, быть носителем «всемирной отзывчивости» (Достоевский). Русская духовность не могла зачеркнуть аналогичные претензии других народов быть богоизбранными, духовными, сумевших, однако, сохранить свои точечные культуры от репрессий и от великой Германии (Европы), и от «великой русской культуры».

---

³ Целование креста было традицией вступающего на государственную службу и таким образом «присягающего» на верность властям. Во второй половине XIX века так называли продавцов в казенных винных лавках. И уж, конечно, это были не евреи.

Но есть и другой разворот этой темы в русской мысли того периода. Рефлексия интеллектуальной мысли в России над историей и судьбами славянских и еврейских народов как неукорененных, бездомных (при наличии огромного пространства), гонимых привела к возникновению русского экзистенциализма (Л. Толстой, В. Розанов, Л. Шестов, М. Гершензон, Вл. Соловьев), отразившего в своих разнообразных подходах (не всеми принимаемых за экзистенциализм) базовые экзистенциалы этой философии: *одиночество, бездомность, страх, ужас, страдание*, с одной стороны, *богоизбранничество, религию семьи и быта, спасение и веру* – с другой. Преодолевая абстрактную веру и формализм в отношении человека и Бога, рассматриваемые нации становятся носителями «живой связи» с Богом, формулы «Я и Ты» как воплощения личных интимных отношений между человеком и Богом. При этом здесь отражена еще одна черта экзистенциальной философии, которую ярко раскрыл Л. Шестов: претензия на исключительность даже в страданиях, и тем более в религиозной уникальности, обособление от других, в том числе чужих, страданий, уход в свое страдальное избранничество, одиночество и неукорененность в мире, выброшенность («оттеснение на обочину») из общего исторического процесса. «Отбросив все “неподлинное”, она (*личность*) (курсив мой. – С. К.) оказывается наедине со своим бытием, с бездонной пропастью “ничто” – бессмысленностью и недостижимостью всего и вся. Пугается ли ее человек, бросаясь обратно в неподлинное существование (тогда, согласно экзистенциализму, он исчезает как индивидуальность, как личность), или же решается остаться в ней, – все равно эта “самость Я”, которую индивид осужден отыскивать, пуста, неустойчива и невыразима. А ведь именно эта онтологическая основа “самости”, сугубо собственного Я и должна быть, согласно экзистенциализму, источником развития и построения действительно индивидуального, самостоятельности и самобытности человеческой индивидуальности в исторической деятельности» (Мамардашвили б. г.). Данные рассуждения о личности в полной мере характерны и для рассматриваемых наций. «Как мусор для меня все испанские сокровища, богатство и испанское добро. Для меня чистое золото – пыль той земли, на которой стоял наш храм» (Иуда Халеви).

В центре русского экзистенциализма – поиск исторической самостоятельности, возможностей реализации и развития своего творческого начала, определение меры человечности нации, по тем или иным причинам «исключенной» из общего хода истории. Дан-

ные народы ведут себя в отношении к доминирующим (европейским) народам как внепочвенные – мессианские – культуры, и философия указывает на призвание этих народов искать пути к вселенскому всеединству. Экзистенциализм как сочетание субъективной избранности и вселенского единения находит свое образное выражение в русской, польской и еврейской культурах.

«Не думайте, что Я пришел нарушить Закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить (восполнить)» (Матф. 5:17). Явление Христа миру было восполнением Ветхого Завета – намеком на всеединство, в которое человечество никогда не устанет верить.

Литература

Белова, О. В., Петрухин, В. Я. 2007. *«Еврейский миф» в славянской культуре*. М.; Иерусалим: Гешарим.

Грузман, Г. 2010. Еврейское сияние русской философии (снова о русском еврействе, или ямы на дороге). Нагария. URL: http://lit.lib.ru/g/guzman_g/ehudy.shtml

Достоевский, Ф. М.

1983. Дневник писателя. Март. Гл. 2. Еврейский вопрос. В: Достоевский, Ф. М., *Собр. соч.*: в 30 т. Т. 25. М.: Наука, с. 74–93.

1984. Толки о мире... Надо ловить минуту. В: Достоевский, Ф. М., *Собр. соч.*: в 30 т. Т. 26. М.: Наука, с. 82–91.

Каутский, К. 1990. *Происхождение христианства*. М.: Изд-во полит. лит-ры.

Мамардашвили, М. К. [Б. г.] Категория социального бытия и метод его анализа в экзистенциализме Сартра. URL: <http://www.philosophy.ru/library/mmk/sartre.html>

Погодин, А. Л. 2002. *История государственного и общественного строя Польши*. М.: Монолит-Евролинц-Традиция.

Соловьев, В. С. 1989. Еврейство и христианский вопрос. В: Соловьев, В. С., *Соч.*: в 2 т. Т. 1. М.: Правда, с. 206–258.

Солженицын, А. И. 2001. Двести лет вместе: в 2 ч. URL: http://webreading.ru/sci/_sci_history/aleksandr-solghenicin-dvesti-let-vmeste-chastvtoraya.html

Engen, T. 1991. *Odor Sensation and Memory*. N. Y.: Praeger.